

И.И. Мюрберг

Тема цивилизации в российском политико-цивилизационном дискурсе XXI в.

Irina I. Myurberg

Civilization as a topic of Russian politico-civilizational discourse in the 21st century

В статье применяются сравнительно-исторический, герменевтический и критико-аналитический методы. Прослеживаются периоды теоретико-методологического развития отечественных подходов к проекту цивилизационного развития. Нулевые годы XXI в. отмечены продолжением «классической» линии в цивилизационных исследованиях и началом размежевания по принципу признания либо универсалистской, либо мультицивилизационной парадигмы. Сквозной темой стал опыт содержательного сопоставления их, соответственно, с классическим или неклассическим периодами западноевропейской философии. В аспекте политических стратегий им соответствовали глобализм и антиглобализм. Вторая сквозная тема связана с возникшей позже оппонирующей универсализму мультицивилизационной парадигмой. Постепенно ее стратегии и подходы оформились в установку на аутентичное политико-цивилизационное развитие России. Начало следующей сквозной теме положили расхождения по поводу возможности переосмысления теоретико-методологических средств анализа феномена цивилизации. В статье утверждается, что прозвучавший в ходе новых дискуссий призыв к отказу от онтологического подхода в пользу дискурсивного безоснователен, т.к. основан на наивном доверии к принципу конструктивизма как источнику получения ясного и надежного знания о «сконструированных» объектах социального мира. Однако с опорой на работы акад. Лекторского о «конструктивном реализме» доказывается, что (1) в действительности «сконструированные» социальные объекты не уступают по сложности и непредсказуемости объектам природного мира; (2) более того, будучи «очищен от онтологии», эпистемологический конструктивизм как таковой не способен приносить новых знаний. Этот вывод находит косвенное подтверждение в перечисляемых в статье работах участников проекта, публикации которых соединяют реалистический подход с неклассическими способами изучения цивилизаций. Статья завершается рассмотрением концепции политического философа Б.Г. Капустина о «большой» и «малой» политике. Капустин выделяет две ипостаси политической

деятельности: в первом случае – это инновационно-творческая (открытая к встрече с реальностью как источником новизны) деятельность; во втором – деятельность «рутинизирующая», исключающая такую встречу.

Ключевые слова: Россия как цивилизация, универсализм, мультицивилизационный подход, глобализация, онтология, антиэссенциализм, конструктивный реализм, «большая» и «малая» политика.

Comparative-historical, hermeneutic and critical-analytical methods are used in the article. Periods of theoretical and methodological growth in Russian project of civilizational development are traced. “Zero years” were marked by persistence of “classics” in civilizational research and the rise of conflict between universalist and multicivilizational paradigms. The cross-cutting topic was about their meaningful comparison, respectively, with the classical and non-classical periods of West-European philosophy. Speaking politically, it was about globalism and anti-globalism. The second cross-cutting theme dealt with multicivilizational paradigm as a challenge to universalism. Its strategies took shape along with Russia’s growing authenticity in politico-civilizational affairs. The next cross-cutting topic was about discrepancies in rethinking theory and methods. It is argued that the call for the rejection of ontological approach in favor of discursive one is baseless in its naive trust in the principle of constructivism as a source of clear and reliable knowledge about the “engineered” objects. Drawing from academician Lectorsky’s idea of “constructive realism”, it is proved that: 1) “designed” social objects are equal in complexity and unpredictability to objects of the natural world; 2) moreover, being “purged from ontology”, epistemological constructivism as such cannot bring new knowledge. This conclusion is indirectly confirmed by the project participants, whose publications combine a realistic approach with non-classical ways of studying civilizations. In conclusion, political philosopher B.G. Kapustin is cited. Kapustin identifies “big” and “small” politics as two faces of political activity: the one is about creative activity; the other – about political “routine” excluding encounter with novelty.

Keywords: Russia as a civilization, universalism, multicivilizational approach, globalization, ontology, anti-essentialism, constructive realism, “big” and “small” politics.

Отечественная цивилизационная теория в эпоху междисциплинарного знания: проблемы XXI в.

Российский проект цивилизационного развития действует в Институте философии с 2018 г. Что касается понятия цивилизации, оно, как явствует из истории Института философии, всегда было привлекательным для профессиональных философских кругов: практически на любом этапе 100-летней истории Института среди публикаций сотрудников встречаются цивилизационные исследования. В исторически переломные для нашей страны моменты интерес к этой теме возрастает, число участников увеличивается, и тогда разработка теории цивилизации начинает напоминать строительство Вавилонской башни. Именно в такую исследовательскую фазу вошло начиная с 90-х гг. прошлого века нынешнее поколение философов. В мировоззренческом смысле возникшая тенденция и должна быть не чем иным,

как «строительством Вавилонской башни»: достаточно помнить о том, что в Институте философии работает беспрецедентно большое число ученых, обладающих, помимо философской, еще какой-нибудь специальностью. Это объективно порождает риск, что «строители» разделят участь персонажей библейского мифа о коллективном усилии, предпринятом в условиях использования множества разных языков. Создателям проекта необходима рефлексия по поводу того, какие именно теории и точки зрения сталкиваются в этом творческом процессе. Попытаемся продемонстрировать это на примере прояснения смыслов такого предмета, как политика. Иначе говоря, наша цель – уточнить роль и место политической философии в наличном политическом контексте цивилизационного развития.

Политически значимые способы углубления в цивилизационную тематику присутствуют в публикациях и выступлениях самых разных по своей научной специализации участников проекта. Их позиции, как правило, довольно очевидно свидетельствуют о принадлежности каждого из авторов к той или иной исторически сложившейся категории политического знания. Нередко возникает повод говорить о так называемой советской специфике, напоминающей о том, что на протяжении многих десятилетий политическое знание развивалось у нас в стране под знаком ведущей роли учения Маркса – Энгельса – Ленина. Как явствует из ретроспективной оценки, годы господства марксистской ортодоксии (при том, что последняя оставляла определенный простор для развития теоретической мысли) *де факто* удерживали отечественную политическую мысль на стадии развития европейского разума эпохи Просвещения, сознательно или бессознательно останавливая политико-философскую теорию и практику в пределах западноевропейской философской классики. «Кризисная ситуация современности, – писала Н.В. Мотрошилова в монографии “Цивилизация и варварство в современную эпоху”, – плоть от плоти *общецивилизационного кризиса*, находящего не только разные, но и в принципе сходные проявления в отдельных странах и регионах. И выходить из кризиса сегодня надо на путях согласованной, именно *общецивилизационной работы*» [10, с. 66]. Можно упомянуть и других известных авторов. Так, споривший с Н.В. Мотрошиловой по теме цивилизации В.М. Межуев одновременно разделял основное убеждение своего оппонента, утверждая, что европейская цивилизация одна, разными являются только культуры. Иначе говоря, при всех нюансах осмысления феномена цивилизации методологические предпочтения основных теоретиков 1990-х гг. заставляли их примыкать к *общецивилизационной концепции*, воспроизводившей модель познания, характерную для эпохи раннего модерна. Характерное для просвещенческой эпохи рационалистическое кредо (обнаружение объективной истины развития общества методами критического развенчания традиционных институтов, обычаев

и морали) не только позволяло, но и предписывало хранителям духа просвещения искать и находить в любой событийной конфигурации то, что в результате утверждалось ими в качестве общезначимых, универсальных истин. Из таких истин и следовало дедуцировать представления о частных событиях и явлениях. Иначе говоря, в когнитивном плане «главное» об объектах изучения следовало искать в предельно общих суждениях о соответствующей предметной области. Интересно, что в 80-е, перестроечные, годы именно эта модель познания общества идеально вписалась в возникшие тогда же политические стратегии и идеологические установки. Переведенные на язык «большой» политики универсалистские принципы трансформировались в общие стратегии, разрабатываемые применительно к эпохе ранней перестройки; роль стержневой идеи принадлежала, как можно констатировать теперь, стратегии догоняющего (т.е. следующего уже существующим моделям) развития для новой России. В ситуации реально разворачивающейся революционной стихии потребовался не один год для того, чтобы политические теоретики России 1990-х гг. научились чувствовать себя адекватно в познавательной парадигме неклассической политической философии (той, что утвердилась в Европе в 30-е гг. XX в.). Конечно, на протяжении последнего десятилетия прошлого века происходили изменения в самосознании россиян, имевшие самые разные политические выражения. Тому имелось несколько причин. Первая из них – большая степень ориентированности россиян на опыт философски широкого осмысления России как мира, чья способность к аутентичной самореализации пользуется признанием в истории человеческих сообществ. В этом аспекте Россия XXI в. как динамично развивающееся общество способна получать моральную и интеллектуальную поддержку в форме современных цивилизационных исследований.

Если относительно недавно, в начале нового века, внешняя (и в существенной степени внутренняя) политика России демонстрировала подчеркнутую заинтересованность в интеграции в общеевропейский (западный по происхождению) *глобализационный* тренд, то несколько позже, перед лицом отрицательных последствий практики следования указанным политическим курсом, наша страна стала все в большей и большей степени идентифицировать свои внутренние и внешние стратегические интересы с политикой аутентичного развития. Подобное изменение собственного вектора социально-политической эволюции (оно происходило одновременно с наращиванием экономического и военно-технического потенциала) означало крутой поворот в общемировоззренческой, философской концепции России и укрепило ее в проективном видении себя как цивилизационной целостности. Эти изменения происходили в политике нашей страны в течение пятнадцати последних лет, которые можно охарактеризовать как период постепенного отхода отечественных цивилизационных исследований от уни-

версалистской интерпретационной парадигмы. В западноевропейской мысли ее разрабатывали такие классики универсализма, как Н. Элиас, автор труда «О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования» [15]. Исследовав многочисленные литературно-исторические источники, Элиас поставил перед собой задачу проанализировать эволюцию поведенческих стереотипов, привычек и образа мыслей обитателей Европы, начиная с западноевропейского Средневековья и вплоть до Нового времени. Ему удалось продемонстрировать связь прослеженных преобразований с трансформацией социально-политической сферы, равно как и влияние анализируемых процессов на становление тех форм поведения, которые в обществе эпохи модерна принято считать «цивилизованными» и «культурными». Элиас отмечал, что уже в XVIII в. французский политический деятель О. Мирабо «из “*homme civilise*” <...> получает понятие, передающее всеобщие характеристики общества, – “цивилизация”» [15, с. 96].

Что же касается начала вхождения в европейский политический дискурс понятия цивилизации как альтернативной универсализму мировоззренчески значимой точки отсчета, то уже в середине XIX в. Н.Я. Данилевский, основоположник отечественного *мультицивилизационного* подхода, издал свой труд «Россия и Европа». Идя по его стопам, мультицивилизационным подходом пользовались в своих исследованиях такие известные авторы следующего века, как О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт [14, 16, 17, 18, 19,]. Заметим, что в тот же период существовало достаточное число учений, использовавших термин «цивилизация» в противоположном (универсалистском) смысле. Но, несмотря на это, серьезность научного вклада названных мыслителей никем не подвергалась сомнению.

Между тем для новой России наступление нулевых годов XXI в. означало не только развитие «классической» линии в рамках цивилизационных исследований, но и формирование в среде теоретиков размежевания по факту признания универсалистской либо мультицивилизационной парадигмы. Конкретным примером тому может служить оспаривание универсалистами взглядов известного специалиста Института востоковедения РАН С.И. Лунева. Речь шла о позиции этого ученого, касающейся воздействия на регионы Индии мировых глобализационных процессов. В своих исследованиях Лунев фиксировал несогласие влиятельных кругов индийского общества с глобалистской повесткой дня, навязываемой Индии определенными странами, и попытками создать некий подвластный этим внешним силам однополярный мир. На основе полученных данных ученый-востоковед делал вывод о наметившейся *регионализации* как «ведущей тенденции мирового развития». Надо сказать, что публикация Лунева обладала значимостью в качестве примера распространения выводов частного исследования за узкодисциплинарные рамки. Как правило, такого рода шаги предпринимаются

в интересах объективного роста научного знания, вступающего в конфликт с той или иной трансдисциплинарной парадигмой, удерживающей за собой доминирующее положение. В данном случае речь шла о более общем теоретическом послании. Выявленные тенденции, писал Лунев, «ставят под сомнение перспективы формирования новой общечеловеческой цивилизации с точки зрения социально-экономических измерений. К XXI в. также стало все более понятным, что биполярный и однополюсный мир не соответствует и культурно-цивилизационным реалиям и отличиям стран мира» [9, с. 172–173]. Именно этот вывод стал объектом критики универсалистов: назвав выводы специалиста «обескураживающими», Мотрошилова противопоставила им собственный взгляд на ситуацию нулевых годов: «...такие попытки [попытки создания однополярного мира. – И.М.] сегодня не только не увенчиваются успехом, но и встречают растущее сопротивление. Главное, что сопротивление имеет место именно благодаря объективному характеру мировой цивилизации (единство только при разнообразии)» [10, с. 57–58]. Это возражение типично в плане отсутствия в нем разъяснений того, что именно дает основание, игнорируя выводы специалистов, считать универсалистское видение цивилизации (ее сегодняшнего дня) «объективным». Возражения универсалистов оставляли без внимания вопрос о том, как соотносятся модные в нулевые годы стратегии создания однополярного мира с проектируемой ситуацией господства глобализационного тренда.

Между тем начиная с 2010-х гг. тема прогнозирования результатов политики глобализации становится все более актуальной, заставляя обращаться к аспектам политической реальности, оставленным без внимания автором книги о цивилизации и варварстве, как то: (1) на всем протяжении нулевых годов антизападные попытки противостояния воцарению однополярного мира эффективно нивелировались политико-технологическими установками на глобализацию; (2) ни чаемое философией единство современного мира, ни тем более его многообразие невозможно считать доказательствами постулируемого универсалистами «объективного характера мировой цивилизации». Напротив, именно эти стороны концепции единой цивилизации оказались высвечены XXI в. в качестве «ахиллесовой пяты» принципа цивилизационного универсализма. И если мировые политические события первых десятилетий нового века и были способны о чем-то сказать философам, то это в первую очередь об императивном характере ярко обозначившейся тенденции к профессионализации современного *политико-философского* знания.

Заметим, что подобные императивы ставят «философию в целом» с ее претензиями на координацию всего комплекса наук в весьма неловкое положение. Неловкость возникает всякий раз, когда речь заходит о *предметообразующей функции* классических мировоззренческих установок, коль скоро эти установки распространяются на возможности дальнейшего «проектирования» трансформирующегося мира людей.

Предметообразование – ключевая проблема сегодняшнего дня, отдалившего нас от иллюзий не столь давнего прошлого: они, эти иллюзии, позволяли нам сохранять в неприкосновенности созданный просвещением величественный идеал ранней современности. Мы имеем в виду просвещенческий разум, одновременно выполнявший роли как теоретико-познавательного, так и этико-прикладного института ранней современности. Подобное оказалось возможным благодаря культивируемой с начала Нового времени вере в неизблемость истины, ее объективность, понимаемую в естественнонаучном смысле независимости ее от человека и человеческой субъектности. Иными словами, объективность истины касалась не только природы, но и сферы человеческих отношений (в ней также допускалась возможность поисков так понимаемой объективной истины и нахождения таковой). В области социально-политических практик данный идеал этицированного разума по понятным причинам сохранялся недолго. Это с особой ясностью показал XX в., сделавший возможной неклассическую философию. Развитие «неклассики» в теоретических дисциплинах, вступившее в конфликт с установками эпохи Просвещения, отличалось от того, что происходило в сфере практической философии: здесь привычные постулаты «эпохи Разума» могли почти бесконфликтно соседствовать с углублением автономизации постоянно множачихся социально-гуманитарных дисциплин. Но подобная эклектика не могла просуществовать долго.

Теория цивилизации в контексте столкновения принципов конструктивизма и реализма

Хаотизация теоретико-познавательного видения мировых процессов и явлений естественным образом порождает тенденцию к поиску простых и емких решений, призванных охватить всю пестроту эмпирических данных. В свое время таким решением стал для многих ученых принцип социального конструктивизма, определяемый через представление о некоей широкой парадигме, подчеркивающей значение социокультурного контекста процессов конструирования и накопления знаний. Следует, однако, согласиться с предупреждениями о том, что подобная парадигма «не является когнитивной в собственном смысле слова» [21], т.е. для использования ее в качестве теоретической референции необходима отсылка к конкретному компетентному источнику. В рамках современной цивилизационной тематики такой источник принято находить в написанной полвека назад книжке П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [3]. Являясь отражением качественно отличной от сегодняшней социально-политической эпохи, эта работа предрасполагает к тому, чтобы размышлять о социальном конструктивизме

«в целом», абстрагируясь от наличного уровня развития этой теории. Однако подобные абстракции, как правило, приводят к псевдофилософскому видению предмета. К таковым можно отнести восприятие цивилизаций как «воображаемых сообществ» (отсылка к книге Б. Андерсона [1], который предлагает считать любую нацию социально сконструированным сообществом, продуктом воображения людей, склонных воспринимать себя частью этого целого). К сожалению, именно представленный Андерсоном подход стремится перенести на цивилизационные учения автор статьи о цивилизациях как «воображаемых сообществах» Д.Э. Летняков. По его словам, теория классиков социального конструктивизма способна убедить сегодняшних исследователей в том, что «социальный порядок» во всех его проявлениях – это “человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство”. Следовательно, анализируя такие категории как идентичность, нация, культура и пр., не стоит заниматься их реификацией (“овеществлением”), т.е. наделять их “онтологическим статусом, независимым от человеческой деятельности и сигнификации» [8, с. 58].

Столь прямолинейные (по стандартам XXI в.) суждения, вероятно, могут играть надлежащую роль в качестве еще одного голоса в нынешней творческой разноголосице. Но едва ли подобного образа теоретизирования достаточно для превращения рассмешившей многих метафоры воображаемых сообществ в мерило научности любых суждений о сущности понятия цивилизации. Сторонник конструктивистской концепции цивилизации считает собственное понимание предмета достаточным основанием для критики того, что он называет эссенциалистскими (или, еще пуще, «примордиалистскими») подходами. «Один из наиболее известных постсоветских “цивилизационщиков”, А.С. Панарин, – напоминает Летняков, – писал о “православном архетипе” российской цивилизации, обращаясь к которому мы можем понять тайну энергетики русской души, ее пассионарность, которую совершенно невозможно описать в привычных терминах социологии. Подобных же работ, авторы которых ставят своей целью проанализировать “генетический код” или “онтологические константы российской” цивилизации, появилось немало за последние годы [8, с. 61]. Однако, принижая значение вклада своих потенциальных оппонентов, сторонник некритично принимаемого варианта конструктивизма сам допускает элементарную ошибку: она заключается в принятии способа выражения, стилистики изложения чуждых ему мыслей за сами мысли. Совершая эту ошибку, Летняков вольно или невольно приписывает целому ряду авторов смыслы, невыводимые из приведенных им цитат, и не улавливает истинных выраженных ими теоретико-познавательных установок.

Это побуждает нас обратиться к теме несостоятельности самого социального конструктивизма (как более актуальной), а точнее, к вопросу о степени адекватности этого принципа контексту современного академического

дискурса. Достаточно обратиться в этой связи к развернутому Б. Латуром сюжету: «о том, как вещи дают сдачи» [20, с. 107–123]. В сущности, статья Латура посвящена излюбленной Летняковым теме освобождения науки от онтологии. Однако именно эту идею Латур не приемлет: по его мнению, процедура «социального объяснения» в конечном счете сводится к замещению объекта, принадлежащего природе, другим объектом, принадлежащим обществу, а также к утверждению, что в этом другом и заключена истинная сущность «социального». Им делается вывод о том, что так называемое социальное объяснение есть на самом деле разрушение объекта исследования. По мнению Латура, этот вывод касается отнюдь не только естественно-природных, но и всех вообще объектов изучения.

Позиция Латура имеет в своем основании веру в примат естественных наук. В этом смысле нам, представителям социальных наук, ближе объяснения, предложенные В.А. Лекторским, который (так же, как и Латур) понимает всю философскую легковесность стремления изъять из дискурса современных социальных теорий понятие онтологии. Лекторский обращает внимание приверженцев антиэссенциалистского видения социальной сферы на то, что преобразуемый (конструируемый) людьми мир никогда не представляет собой полностью человеческое творение, воплощающее человеческий замысел и подчиняющееся законам человеческого общества. Что бы ни создавал человек, результат его творчества никогда не бывает полным дубликатом изначального замысла, образом, существующим в его воображении. Еще менее применима конструктивистская риторика к объектам коллективного творчества: в случае коллективного конструирования объекта воображения сам процесс творчества предполагает конфликт индивидуальностей – столкновение воли, дающее непредсказуемый результат. «Вообще реальность, – пишет по этому поводу Лекторский, – отличается той особенностью, что, будучи независимой от познания, она заставляет с ней считаться (как выразился один современный мыслитель, «дает сдачу» моим необдуманым действиям). Мои желания и намерения зависят от меня самого, но, чтобы их реализовать, я вынужден учитывать то, что не зависит от моих планов: принимать во внимание, что эта среда допускает в качестве возможных изменений и что она категорически запрещает с ней делать. А это значит, что любое действие в мире для того, чтобы быть успешным, должно опираться на познание характеристик независимой от познания реальности» [7, с. 119]. Нельзя не согласиться с Лекторским в том, что если человек создает вокруг себя целый мир, то мир этот по вышеописанным причинам не может не отделиться от своих творцов и начать жить по своим законам. К тому же далеко не все в этих законах доступно пониманию человека, далеко не все является для него близким, «своим» (Марксова теория отчуждения вполне применима и к этому миру). И для человека-деятели, и для человека-исследователя

этот «искусственный мир» является миром объективным, существующим независимо от воли и сознания людей, т.е. объектом познания, если определять его в терминах онтологии. «А это значит, что любое действие в мире для того, чтобы быть успешным, должно опираться на познание характеристик независимой от познания реальности. Научная теория – это конструкция ученого. Однако цель такой теории – давать истинное знание о реальности. Для этого теорию нужно сопоставлять с фактами, репрезентирующими познаваемую реальность». Разумеется, теория может оказаться хорошей или плохой, успешной или нет. Экспериментирующий с понятиями о реальности исследователь «встречает сопротивление» исследуемых объектов и может столкнуться с непредвиденными результатами. При построении теории вводятся два типа ненаблюдаемых объектов: первые имеют реальные референты (атом, кварки и т.д.). Вторые их не имеют: они «представляют собой идеализированные теоретические объекты, постулируемые ради удобства расчетов и формулирования идеализированных моделей (точечная масса, идеально твердое тело, центр гравитации и т.д.). Знания можно получать только о реально существующих объектах... Что же касается идеализированных теоретических объектов, то о них невозможно получить новое знание, их содержание жестко зафиксировано самим актом их конструирования. Эпистемологический конструктивизм, пытающийся приравнять все теоретические объекты к чистым конструкциям теоретика, не имеющим отношения к независимой от познания реальности, не может объяснить разность поведения исследователя в отношении двух типов теоретических объектов и вообще характер развития теоретического знания (курсив мой. – И.М.)» [7, с. 119–120]. Последнее утверждение с неизбежностью приводит Лекторского к отказу от безнадежно устаревшего термина «социальный конструктивизм» и противопоставлению ему собственного философского видения, известного как принцип «конструктивного реализма». Разделяя позицию Лекторского, невозможно избежать вывода о том, что предложенный Д.Э. Летняковым «антиэссенциалистский социальный конструктивизм» абсолютно непригоден в качестве научного способа изучения цивилизации (как, впрочем, и любого другого социального объекта).

Позднейшие цивилизационные исследования: развитие реалистического подхода

Представленные умозаключения важны для описания дальнейшего развития темы цивилизации и критериев применимости к ней тех или иных подходов. Приведенные выше примеры критического анализа как универсалистского, так и социально-конструктивистского подхода одинаково значимы для ученых, так как демонстрируют моменты несоответствия этих мето-

дов познания требованию реалистичности. Так, следование установке на познание цивилизации как универсального явления часто заставляет ученого игнорировать целый ряд атрибутов конкретных цивилизаций, без учета которых само определение понятия «цивилизация» превращается в набор общих слов, выявляющих непрофессионализм пишущего, непонимание им специфики предмета. Аналогичным образом попытки изображать цивилизации в стиле антиэссенциалистской редукции любой из них к представлению о «человеческих продуктах», «непрерывному человеческому производству» (т.е. к принципам описания, игнорирующим объективный характер этих продуктов) не имеют ничего общего с реалистическим видением «процесса цивилизации». Именно «дефицит реализма» является общим признаком социально-конструктивистского и универсалистского подходов.

В этом контексте нельзя не упомянуть о большом числе отечественных публикаций последних лет, демонстрирующих возможность продуктивного соединения идей современной политической философии с реалистичными подходами к разработке отечественного цивилизационного проекта. Приведем наиболее характерные примеры такого соединения.

А.А. Кара-Мурза, автор пользующихся популярностью работ по отечественной истории, выстраивает периодизацию этапов цивилизационного развития в терминах серии пережитых нашей страной катастроф – тех из них, которые интерпретируются автором как события общецивилизационного / межцивилизационного масштаба. Кара-Мурза описывает историческое влияние, оказанное каждой из таких катастроф на эволюцию цивилизационной идентичности России. Анализ истории отечественной цивилизации предполагает видение описываемых событий через призму основополагающих понятийных оппозиций: органическое развитие vs социальный конструктивизм, преемственность vs прерывность [6, с. 17–26].

В известной монографии А.В. Смирнова «Всечеловеческое vs общечеловеческое» [13] критически рассмотрен привнесенный из классической европейской философии образ цивилизационного развития, реализуемого под знаком прогресса (под прогрессом как объектом критики автора понимается повсеместное насаждение неких стандартов, одинаковых для всех культур и социальных устройств). Так понимаемый прогресс становится объектом философского вопрошания в аспекте нерелевантности самого концепта «общечеловеческое» существенным характеристикам понятия цивилизации. Автор настаивает на необходимости замены термина «общечеловеческое» на «всечеловеческое», подразумевая под новым понятием более точное определение, адекватное разнонаправленным духовно-практическим устремлениям реально существующих мировых цивилизаций.

Публикации А.В. Рубцова могут служить интересным примером того, как оба политико-философских подхода (классический и современный) пере-

плетаются в творчестве одного исследователя. В работах Рубцова нетрудно встретить, с одной стороны, традиционную идею о догоняющем развитии России, которая, по его мнению, все еще стремится достичь идеала «европейской цивилизованности»; с другой стороны, ему же принадлежат отчетливо неклассические по концепции и по методу критические выступления, направленные против попытки деидеологизации российской политики на государственном уровне (попытка деидеологизации, напомним, была предпринята у нас в стране в 1990-е гг.). Более того, Рубцов подвергает сомнению саму возможность радикальной деидеологизации – причем не только в политической, но и в интеллектуальной, культурной жизни России. Работы Рубцова по проблеме современной идеологии представляют собой весьма актуальное теоретическое начинание: именно идеологическое измерение отечественного цивилизационного проекта относится к наиболее проблемным аспектам современной политики, способным оказывать влияние на динамику и содержание «процесса цивилизации» [11, с. 69–86; 12].

В последнее десятилетие назревшая необходимость модернизации социально-философского изучения феномена идеологии вызвала к жизни потребность переопределения предмета исследований идеологий в терминах ассимиляции уже не только неклассической, а также и постнеклассической теории. В этой связи можно сослаться на мнение В.Г. Буданова, согласно которому на постнеклассической стадии развития познания «человек, сознательно или бессознательно, является и творцом, и средством, и объектом деятельности» [4]. Синергетическое видение объектов социокультурной сферы не только не отрицает онтологического измерения, но и переводит его в модус *полионтичности* как части синергетического видения. «В естествознании, – сравнивает Буданов, – это подход наблюдательной астрономии, но там ясно, что наблюдать. В культуре наблюдать надо все, описательный массив грандиозен, ведь мы пока не знаем, что окажется существенным для построения будущей теории. Еще одна сложность в том, что объекты культуры полионтичны, зачастую уникальны и заданы уникальными языковыми, выразительными средствами, т.е. привычный критерий воспроизводимости эксперимента следует обобщать на исторические системы и согласовывать языки разных традиций. Тем не менее, методы современной статистики и информатики позволяют строить в этом море информации распределения и корреляции исследуемых гуманитариями характеристик, искать законы развития» [2]. Таким образом, главным затруднением постнеклассического подхода оказываются на сегодняшний день «сложности перевода» его результатов на язык общесовременных понятий. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Ту часть реальности, которая на языке философии науки называется полионтичностью социокультурной сферы, вероятно, следует интерпретировать как встречу представленной автором естественнонаучной дисциплины

с чужим для себя исследовательским форматом. И это возвращает нас к теме предметообразования. По справедливому замечанию Буданова, философам естествознания, как правило, не приходится решать задачу определения внешнего контура объекта наблюдения (они находят его заранее заданным); а в области социального бытия человека этот вопрос постоянно встает перед исследователями как нечто, решение чего следует отыскивать, например, в поле исторического знания. Зависимость социально-политической предметной сферы (ее внутренних смысловых разграничений) от исторического контекста очевидна для каждого социального философа. Признание этой зависимости и есть тот принцип, от которого не может отступать и самое современное социально-политическое знание.

Концепция цивилизации в проблемном поле политической философии: Б.Г. Капустин о «большой» и «малой» политике

Что касается политической философии, для нее учет исторической конкретности равен по значению определению тех смысловых координат, в соответствии с которыми задаются концептуальные рамки, отсеиваются не имеющие значения для изучаемого момента обстоятельства, иными словами, происходит понятийное (ре)структурирование полионтичности социальной реальности. Коварство ситуации заключено здесь в том, что ложным двойником политической философии выступает в наше время так называемая политическая наука. Именно от ее лица выступают исследователи, считающие возможным изучать такой предмет, как цивилизация, средствами социального конструктивизма – принципа, направленного на «освобождение» цивилизаций от их онтологической составляющей. Современный политический философ Б.Г. Капустин ставит заслон на пути такого смешения, принципиально разделяя в своем понимании политику на «большую» и «малую». Эту дистрикцию Капустин раскрывает через такие темпоральные характеристики двух типов политики, как отношение каждого из них к будущему: «В “большой” политике будущее со всей его неопределенностью, в его качестве отрицания настоящего присутствует *актуально*... Будущее снимает детерминирующую тяжесть устоявшегося бытия. Это отнюдь не означает, что в такие периоды люди “пишут” свою новую жизнь на “чистом листе”. Как говорил Маркс, люди творят историю только при определенных обстоятельствах (не только материальных, но и духовных). Но в такие периоды они именно *творят*, меняя *modus operandi* существующего мира... а не воспроизводят этот *modus*, лишь увеличивая или уменьшая те или иные его параметры». На долю «малой» политики выпадает функция рутинизированного самовоспроизводства базовых общественных структур. «При этом рутину вообще

не следует отождествлять с косностью и статичностью так называемых традиционных укладов. Рутинизирован может быть и прогресс» [5, с. 53–54].

Одним из проявлений того, что Капустин называет рутинизацией прогресса, является, по нашему мнению, описанное в предыдущих разделах разведение понятия социального конструктивизма со способностью признавать этот принцип частью реальных практик реальных сообществ. Именно антиэссенциалистская позиция сторонников социального конструктивизма превращает их версию проекта в разновидность «малой» политики. Между тем современный цивилизационный проект по определению есть часть «большой» политики, такой, о которой можно сказать: «Политика – слишком сильное средство, чтобы к нему прибегали из-за безделицы... К политике не прибегают, если проблема такова, что разрешима столь невинными способами, как обмен или рациональная дискуссия» [5, с. 200]. Без рациональной дискуссии, конечно, не обойтись в любом случае. Но само определение политики как «большой» отражает ее направленность на видение действительности, не стремящейся замкнуться в сфере диспутов и обсуждений. Такие усилия неизбежно обращены на те стороны действительности, которые на данный момент находятся за гранью представлений о возможном разрешении имеющихся проблем или (если рассматривать проблему в когнитивном плане) еще не получили своего «бытия» в качестве предмета изучения. Они – объект приложения не только интеллектуальных, но также духовных сил и воли автора.

Мюрберг Ирина Игоревна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Irina I. Myurberg – Ph.D. in Political Science, Leading Research Fellow, Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

irina.myurberg@gmail.com

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Левандовский М.И. Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск: БГУ, 1998. С. 27–51.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Буданов В.Г. Методология проектирования и прогнозирования в контексте синергетики и теории сложности // Гуманитарный портал. 30.05.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5990> (дата обращения: 14.12.2021).
5. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: КДУ, 2004. С. 53–54.
6. Кара-Мурза А.А. История цивилизации в России: органическое развитие versus социальный конструктивизм // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 17–26.
7. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 464 с.
8. Летняков Д.Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 3 (№ 111). С. 57–69.
9. Лунев С.И. Индия в глобализирующемся мире // Глобализация и крупные периферийные страны. Научные доклады. Вып. 1. М.: Международные отношения, 2003. С. 172–173.
10. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.
11. Рубцов А.В. Идеология в структуре социума и личности // Полилог. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/> (дата обращения: 30.12.2021).
12. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 69–86.
13. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
16. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Академический Проект, 2021. 800 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Геополитика. Антология. М.: Академический проект, 2006. 1004 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1, 2. Минск: Попурри, 2019. 666 с.
19. Eisenstadt S.N. The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. Brill, 2006. 227 p.
20. Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies to the social sciences // British Journal of sociology. Vol. 51, No 1 (Jan./Mar. 2000). pp. 107–123.
21. The Research Paradigms: Social Constructivism. 4th Aug 2016. URL: <http://www.intgrty.co.za/2016/08/04/the-research-paradigms-social-constructivism/> (дата обращения: 26.12.2021).

References

1. Anderson B. Voobrazhaemy`e soobshhestva. M.: Kanon-Press-Cz : Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
2. Andreev A.Yu., Borodkin L.I., Levandovskij M.I. Sinergetika v social`ny`x naukah: puti razvitiya, opasnosti i nadezhdy` // Krug idej: makro- i mikropodxody` v istoricheskoj informatike. Minsk: BGU, 1998. S. 27–51.
3. Berger P., Lukman T. Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

4. Budanov V.G. Metodologiya proektirovaniya i prognozirovaniya v kontekste sinergetiki i teorii slozhnosti // Gumanitarny`j portal. 30.05.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5990> (access date: 14.12.2021).
5. Kapustin B.G. Moral`ny`j vy`bor v politike. M.: KDU, 2004. S. 53–54.
6. Kara-Murza. A.A. Istoriya civilizacii v Rossii: organicheskoe razvitie versus social`ny`j konstruktivizm // Voprosy` filosofii. 2021. № 7. S. 17–26.
7. Lektorskij V.A. Konstruktivny`j realizm kak sovremennaya forma e`pistemologicheskogo realizma // Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna. M.: Progress-Tradiciya, 2018. 464 s.
8. Letnyakov D.E`. Civilizacii kak «voobrazhaemy`e soobshhestva». K konstruktivistской критике цивилизационной теории // Lichnost`. Kul`tura. Obshhestvo. 2021. T. XXIII. Vy`p. 3 (№ 111). S. 57–69.
9. Lunev S.I. Indiya v globalizirushhemsya mire // Globalizaciya i krupny`e poluperiferijny`e strany`. Nauchny`e doklady`. Vy`p. 1. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2003. S. 172–173.
10. Motroshilova N.V. Civilizaciya i varvarstvo v sovremennuyu e`poxu. M.: IF RAN, 2007. 268 s.
11. Rubczov A.V. Ideologiya v strukture sociuma i lichnosti // Polilog. 2019. T. 3. № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/> (access date: 30.12.2021).
12. Rubczov A.V. Ilyuzii deideologizacii. Mezhdru reabilitaciej ideologicheskogo i zapretom na ogosudarstvenie ideologii // Voprosy` filosofii. 2018. № 6. S. 69–86.
13. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs obshhechelovecheskoe. M.: Sadra: Izdatel`skij Dom YaSK, 2019. 216 s.
14. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
15. E`lias N. O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 332 s.
16. Tojnbi A.Dzh. Postizhenie istorii. M.: Akademicheskij proekt, 2021. 800 s.
17. Xantington S. Stolknovenie civilizacij // Geopolitika. Antologiya. M.: Akademicheskij proekt, 2006. 1004 s.
18. Shpengler O. Zakat Evropy`: Oчерки морфологии мировой истории. T. 1, 2. Minsk: Popurri, 2019. 666 s.
19. Eisenstadt S.N. The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. Brill, 2006. 227 p.
20. Latour B. When things strike back: a possible contribution of science studies to the social sciences // British Journal of sociology. Vol. 51. No 1 (January/March, 2000). pp. 107–123.
21. The Research Paradigms: Social Constructivism. 4th Aug 2016. URL: <http://www.intgrty.co.za/2016/08/04/the-research-paradigms-social-constructivism> (access date: 26.12.2021).